XLII г.—1903 г.

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Еженедѣльное изданіе.

№ 16. Воскресенье, 22 іюня.

Часть неоффиціальная.

Къ вопросу о достойномъ христіанскомъ празднованіи воскреснаго дня.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Калужскихъ Епарх. Вѣдом.“ напечатано: „Во исполненіе резолюціи его преосвященства, епископа Калужскаго и Боровскаго, послѣдовавшей на рапортѣ одного изъ благочинныхъ, доносившаго о существованіи обычая проводить канунъ воскресныхъ дней въ игрищахъ и пьянствѣ, по случаю предсвадебныхъ пиршествъ, происходящихъ по субботамъ, потому, что вѣнчаніе браковъ большею частію бываетъ въ воскресенье, Калужская духовная консисторія предложила духовенству епархіи не вѣнчать браковъ въ воскресные дни, а въ понедѣльники, обязавъ жениха и невѣсту непремѣнно быть въ воскресенье за литургіей въ приходскомъ храмѣ“.

Очевидно, всѣ мѣры пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ оказались безплодными, если епархіальное Калужское начальство вынуждено было прибѣгнуть къ столь рѣшительной мѣрѣ. По нашему глубокому убѣжденію, это единственная мѣра для огражденія святости воскресныхъ и праздничныхъ дней отъ поруганія ихъ пьянственнымъ разгуломъ и другими безобразіями, какія творятся на крестьянскихъ свадьбахъ не только въ Калужской, но также и въ нашей Кіевской епархіи.

И насколько намъ извѣстно, духовенство нашей епархіи многоразличныя средства и мѣры употребляетъ къ искорене-

нію столь противнаго христіанской вѣрѣ обычая, перешедшаго къ намъ отъ сѣдой старины. Но не всегда мѣры эти приводятъ къ благимъ результатамъ по той простой причинѣ, что не всѣ собратья наши во Христѣ солидарны въ данномъ случаѣ. Это разъ. А второе, въ нѣкоторыхъ приходахъ чрезмѣрно изощряются въ томъ, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ обойти пастырскія мѣры къ искорененію дурного обычая, сами прихожене.

Несолидарность настоятелей приходовъ выражается, прежде всего, въ томъ, что *не вездѣ* принимаются мѣры къ уничтоженію предпраздничныхъ собраній прихожанъ по случаю свадебъ и другихъ семейныхъ событій. Въ то время, какъ въ одномъ приходѣ священникъ всѣ мѣры употребляетъ къ тому, чтобы въ его приходѣ не было вечеринокъ и пирушекъ наканунѣ праздника и воскреснаго дня, въ сосѣднемъ—за версту или двѣ—приходѣ ничего подобнаго нѣтъ. И ревнующему о благѣ своихъ пасомыхъ пастырю приходится иногда выслушивать довольно резонное замѣчаніе: а почему же въ селѣ N ничего подобнаго нѣтъ?

Далѣе, трудность борьбы съ господствующимъ порядкомъ всѣхъ приходовъ епархіи заключается еще и въ томъ, что *не одинаковыя мѣры и средства* принимаются къ искорененію этого порока. Напримѣръ, для прекращенія музыки, танцевъ и попойки наканунѣ воскресенья, въ одномъ приходѣ существуетъ постановленіе о томъ, чтобы съ нарушающихъ его въ пользу церкви былъ взыскиваемъ штрафъ въ извѣстной суммѣ. Такъ что-же? Желающіе попировать и повеселиться и не желающіе быть оштрафованными удаляются къ роднымъ, или знакомымъ въ сосѣднее село и тамъ преспокойно пируютъ въ свое удовольствіе вплоть до утра, съ отуманенными отъ вина и безсонной ночи головами являясь въ храмъ по большей части къ концу обѣдни, лишь бы поспѣть ко времени вѣнчанія.

Въ другомъ приходѣ священникъ предупреждаетъ, что онъ не будетъ вѣнчать въ воскресенье тѣхъ, у кого наканунѣ будетъ музыка и пирушка. Оказывается, что его предупрежденіе не на всѣхъ имѣетъ одинаковое дѣйствіе. Находятся смѣльчаки, которые, попировавъ надлежащимъ образомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, являются въ храмъ для вѣнчанія. Священникъ отказываетъ вѣнчать. Поднимается буря. Цѣлая толпа полупьяныхъ „поѣзжанъ" ведетъ правильную аттаку упорствующему пастырю и ему приходится переносить рядъ издѣвательствъ и непріятностей. Приходится рѣшаться на одно изъ двухъ: или настоять на своемъ и потомъ получить выговоръ и замѣчаніе отъ начальства, въ случаѣ жалобы, или съ прискорбіемъ сердечнымъ уступать, что зачастую и случается. А послѣднее-то и даетъ поводъ не всегда слушаться пастырскихъ угрозъ потому-де, что онѣ не всегда будутъ приведены въ исполненіе. Больно и грустно, но что подѣлаешь? Приходится иногда лавировать между двухъ береговъ для того, чтобы, какъ говорится, „и козы были сыты и сѣно цѣло".

Наконецъ, въ однихъ приходахъ нашей епархіи, въ тѣхъ же цѣляхъ, вѣнчаніе браковъ совершается въ воскресенье послѣ обѣда, а въ другихъ, по примѣру Калужской епархіи, въ понедѣльникъ утромъ. Словомъ, для достиженія одной и той-же цѣли принимаются самыя разнообразныя средства. Но онѣ не всегда вѣнчаются успѣхомъ, прежде всего, вслѣдствіе разнообразія мѣръ, а затѣмъ—по причинѣ отсутствія настойчивости въ достиженіи намѣченной цѣли. Иное дѣло, если извѣстныя мѣры, направленныя къ искорененію извѣстнаго общаго всѣмъ приходамъ дурного обычая, исходятъ со стороны высшаго начальства. Тутъ уже способствуютъ успѣху дѣла два фактора: во первыхъ—настоятель прихода дѣйствуетъ *со властію*, стоя, такъ сказать, на твердомъ основаніи, безъ боязни получить выговоръ, или замѣчаніе со сто-

роны начальства; а во вторыхъ, на успѣхъ дѣла должно имѣть большое вліяніе однообразіе въ дѣйствіяхъ. Для достиженія этой цѣли,—цѣли весьма благой и святой—искорененія имѣющаго весьма разлагающее вліяніе на нравственность народную праздничнаго разгула, и слѣдуетъ нашимъ соработникамъ на нивѣ Христовой сплотиться во едино и дружными усиліями вывести изъ практики начало празднованія свадебныхъ пирушекъ съ кануна воскреснаго или праздничнаго дня.

Поэтому, остановившись на одной изъ мѣръ, практикующихся въ приходахъ нашей епархіи, а равно и другихъ епархій, постараемся проводить ее въ жизнь нашихъ прихожанъ. Такъ какъ христіанскій бракъ, какъ таинство, долженъ быть совершаемъ натощахъ, то, конечно, самымъ подходящимъ и удобнымъ для этого временемъ можетъ служить утро слѣдующаго за воскресеньемъ, или праздникомъ дня.

Вопросъ этотъ настолько важенъ въ жизни прихожанъ, что желательно было-бы выслушать голосъ и другихъ, не менѣе насъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. *С. Б.*

Епархіальная хроника.

Торжественныя богослуженія.—12 іюня Высокопреосвященный Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, совершалъ Божественную литургію и, по окончаніи ея, молебенъ въ церкви Кіевской духовной семинаріи, по случаю окончанія годичныхъ занятій и экзаменовъ въ духовной семинаріи.

—6 и 8 іюня были совершены благодарственныя молебствія въ церквяхъ перваго и втораго Кіевскихъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства и затѣмъ происходили годичные акты, въ присутствіи преосвященнаго Платона, епископа Чигиринскаго, ректора Кіевской духовной Академіи. 8 и 10 іюня нѣкоторыя изъ окончившихъ курсъ сихъ училищъ воспитан-

ницъ, съ благословенія Высокопреосвященнаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, отправились въ путешествіе для обозрѣнія святынь и достопримѣчательностей Москвы и С.-Петербурга и Поволжья, подъ руководствомъ начальствующихъ и учащихъ лицъ.

Рѣчь воспитанника 5 пар. класса семинаріи Григорія Гринберга надъ могилой инспектора семинаріи И. И. Балабушевича (предъ опущеніемъ гроба въ могилу).

Незабвенный воспитатель нашъ!

Вотъ и мѣсто твоего послѣдняго упокоенія на землѣ; сейчасъ и надъ тобою исполнится опредѣленіе Божіе: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. 3. 19).

Но дозволь, въ дополненіе ко всему сказанному о твоей жизни и многоплодной дѣятельности, присоединить мнѣ еще одно послѣднее, хотя и слабое слово,—высказать тѣ чувства, которыя волнуютъ сердца всѣхъ насъ, твоихъ питомцевъ.

Твоя смерть составляетъ дорогую и ничѣмъ незамѣнимую для насъ утрату. Въ лицѣ тебя мы лишились добраго и любящаго руководителя и воспитателя нашего. Ты былъ для насъ поистинѣ любящимъ отцомъ. Ты близко принималъ къ сердцу наши интересы; наши нужды и заботы были твоими; наше благосостояніе и довольство ты ставилъ для себя выше всего. Какъ радовался ты, когда текло все тихо и мирно въ нашей школьной жизни и напротивъ всякое нестроеніе разстраивало и огорчало тебя. Живо припоминается намъ, какъ распрашивалъ ты насъ обо всемъ до мельчайшихъ подробностей, когда мы, очередные воспитанники, являлись къ тебѣ съ отчетомъ по хозяйственной части, какъ охотно ты выслушивалъ наши заявленія, и всякое замѣчаніе, касавшееся улучшенія, ты принималъ съ радостью, не оставляя безъ должнаго вниманія. Твой зоркій взглядъ проникалъ вездѣ и всюду. Даже въ послѣднія минуты своей жизни, въ пору тяжелыхъ мучительныхъ страданій, когда твоя жизнь уже слабо боролась со смертью, даже и тогда ты не забывалъ

насъ, своихъ питомцевъ. Ежедневно ты освѣдомлялся объ ученикахъ и качествѣ ихъ пищи, заставлялъ даже приносить ее къ себѣ и огорчался, когда медлили исполнить твое желаніе.

Тѣ же отеческія заботы о насъ выражались въ сравнительно рѣдкихъ наказаніяхъ, какія постигали провинившихся въ чемъ-либо. Мы легко мирились съ ними, радостно принимали ихъ, ибо видѣли, что онѣ исходятъ изъ глубины любящаго сердца. Кто не помнитъ тѣхъ отеческихъ увѣщаній, съ какими ты обращался къ каждому изъ насъ? Кто не знаетъ, что ты не столько наказывалъ насъ, сколько старался раскрыть предъ нами непривлекательныя стороны того или другого дурного поступка, отдавая насъ тѣмъ самымъ на судъ насъ самихъ, на судъ нашей же совѣсти.

Тѣми же качествами ты отличался и какъ преподаватель. Конечно, наше слово слишкомъ слабо, чтобы изобразить твою дѣятельность и представить хотя отчасти твой свѣтлый образъ.

Волей Божіей ты изъятъ изъ среды насъ. И хотя ты уже молчаливъ и безгласенъ, но въ нашемъ сознаніи, въ нашихъ мысляхъ ты живъ. Предъ нами и теперь витаетъ твой образъ и теперь мы явственно видимъ твои ласковыя очи, съ любовью на насъ смотрѣвшія.

Сердечно благодарные тебѣ питомцы твои мы сейчасъ собрались вокругъ тебя для молитвы; сочтемъ святымъ своимъ долгомъ и впредь всегда помнить тебя въ молитвахъ своихъ, да воздастъ тебѣ Господь за все то, что мы видѣли отъ тебя, вмѣсто тлѣнныхъ—нетлѣнная, вмѣсто земныхъ—небесная, и да вселитъ тебя въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже присѣщаетъ свѣтъ лица Божія и праведницы сіяютъ яко свѣтила.

Прими отъ насъ, дорогой Илларіонъ Игнатьевичъ, эти искреннія, изъ глубины души истекающія выраженія нашихъ чувствъ къ тебѣ. А затѣмъ (какъ ни тяжело и ни грустно

сказать это предъ твоей разверстой могилой) прими отъ насъ и послѣднее „прости“. Прости намъ, любвеобильный воспитатель, что мы потревожили твой прахъ, оказывая хотя и позднюю дань справедливости качествамъ твоей чистой души. Прости, но не забудь насъ за гробомъ. И мы твердо вѣруемъ и надѣемся, что ты столь любившій насъ при жизни, не оставишь насъ и теперь, по разлученіи съ нами; съ дерзновеніемъ уповаемъ, что предъ престоломъ Божіимъ ты будешь молиться о томъ, чтобы милосердый Владыка помогъ намъ возрастить въ нашей жизни тѣ сѣмена любви и добра, какія посѣяны тобою въ нашихъ юныхъ сердцахъ.

Мы же, съ своей стороны, никогда не забудемъ тебя. Ты всегда будешь предъ нами. Твой свѣтлый образъ труженика будетъ поддерживать, ободрять насъ въ минуты борьбы и труда, будетъ побуждать насъ всегда стоять на высотѣ своего долга—быть честными дѣятелями на пользу своихъ ближнихъ.

Долго и долго еще будутъ звучать въ нашихъ ушахъ и сердцахъ тѣ сердечныя восклицанія, какія мы слышали вчера при переносѣ бренныхъ останковъ твоихъ изъ храмины въ святой храмъ и которыя были высказаны въ простотѣ сердца лицами, долго прожившими съ тобою: „прости дорогой, родимый, прости нашъ кормилецъ“!

Да, и каждый изъ насъ, не обинуясь, скажетъ тоже. Ты кормилъ насъ христіанскою духовною пищею; ты заботился о насъ такъ, какъ можетъ заботиться только нѣжно любящая мать.

Прости же, дорогой Илларіонъ Игнатьевичъ, до того великаго дня, когда Господь, увѣнчавающій правду и добродѣтель, увѣнчаетъ и тебя вѣнцомъ неувядаемой славы за всѣ твои труды и лишенія. Поклонъ тебѣ, поклонъ до земли отъ всѣхъ питомцевъ, для которыхъ ты такъ честно потрудился!

Рѣчь надгробная по инспекторѣ Кіевской дух. семинаріи И. И. Балабушевичѣ. [1])

Дорогой товарищъ!

Въ настоящія горестныя минуты разлуки съ тобою привожу на память слова пр. Іереміи, нѣкогда плакавшаго надъ развалинами града Божія и разбросанными костями знатнѣйшихъ сыновъ Сіона: *какъ потускло золото*, взывалъ онъ, *измѣнилось золото наилучшее... Сыны Сіона драгоцѣнные, равноцѣнные чистѣйшему золоту, какъ они сравнены съ глиняною посудою, издѣліемъ рукъ горшечника*! (Плачъ Іерем. IV, 1. 2). Такъ нынѣ и мы, твои оставшіеся товарищи и друзи, сродницы и знаеміи, стоимъ надъ храминою твоего тѣла, надъ которой уже отяготѣла холодная рука смерти и разрушенія, тяжко скорбимъ, воздыхаемъ, стонемъ и плачемъ. Что сталось нынѣ съ тобою, нашимъ дорогимъ, милымъ, добрымъ, неутомимо-дѣятельнымъ труженникомъ, благороднѣйшимъ членомъ нашей семинарской семьи? Какъ погасла вдругъ на глазахъ нашихъ эта ровная, спокойная, какъ пламя свѣчи, жизнь, отъ которой всегда вѣяло такимъ тихимъ миромъ, такимъ величавымъ спокойствіемъ? Какъ потускло вдругъ это свѣтлое выраженіе лица твоего, которое служило такимъ прекраснымъ отраженіемъ христіански-благодушной и благонастроенной души твоей и которое такъ могуче располагало и привлекало всѣхъ къ себѣ? Гдѣ ласковый взглядъ? Гдѣ добрая всегдашняя улыбка? Гдѣ тотъ ровный, почти безстрастный голосъ, съ которымъ ты выражалъ въ нашемъ кругу свои сужденія, высказывалъ замѣчанія и дѣлалъ сообщенія о разныхъ злободневныхъ предметахъ и явленіяхъ въ жизни школьной и общественной? По чувству дружбы и доброй о тебѣ памяти, не могу не сказать къ облегченію сердца своего, здѣсь, въ преддверіи вѣчности, нѣсколько простыхъ

---

[1]) Вслѣдствіе продолжительнаго богослуженія, эта рѣчь не была произнесена.

благодарныхъ словъ о тебѣ, какъ товарищѣ по школѣ и по службѣ. Предъ нами, немногими твоими, здѣсь присутствующими, товарищами по Академіи, а затѣмъ и по службѣ, прошла едва-ли не половина твоей жизни, притомъ той, которая на языкѣ обыкновенномъ и называется „собственно жизнію“ и въ которой человѣкъ являетъ себя въ болѣе или менѣе цѣлостномъ и, такъ сказать, законченномъ образѣ. Вспоминаю здѣсь тебя въ ту пору, когда ты былъ еще полнымъ жизни и энергіи юношей, когда жажда высшаго богословскаго образованія свела насъ впервые въ стѣнахъ святилища богословской науки—дух. Академіи, когда затѣмъ четыре года мы трудились надъ завершеніемъ своего школьнаго образованія, подъ руководствомъ дорогихъ, почтеннѣйшихъ нашихъ наставниковъ. Сколько тогда лелѣялось свѣтлыхъ надеждъ въ будущемъ, сколько наполняло душу добрыхъ порывовъ, какъ много хорошаго рисовалось намъ въ предстоящей намъ жизни! Юношескія мечты и чаянія не закрывали, впрочемъ, отъ насъ и тягостей, испытаній и горестей въ этой жизни, хотя все это не представлялось намъ тогда и чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Притомъ, намъ съ большею силою рисовалась жизнь, полная благодарнаго труда на пользу другихъ,—труда, увѣнчиваемаго успѣхами, вознаграждаемаго утѣшеніемъ и благодарностію отъ тѣхъ, кому мы должны были служить и отдавать силы свои. И мы, дорогой товарищъ нашъ, не щадили тогда ни времени, ни здоровья на то, чтобы приготовить себя достойными дѣятелями на службѣ св. нашей Церкви, православной наукѣ и будущимъ молодымъ поколѣніямъ. Даже и теперь живо помнится то, съ какимъ усердіемъ ты предавался занятіямъ по изученію Слова Божія и догматовъ православной вѣры. Въ нихъ ты, съ одной стороны, удовлетворялъ чувствамъ твоей боголюбивой души, а съ другой—уготовлялъ изъ себя христіански-настроеннаго наставника и воспитателя будущихъ пастырей и учителей Церкви Христовой.

Но вотъ, наконецъ, ты, по окончаніи курса Академіи, прямо вступилъ въ жизнь, сталъ семьяниномъ и затѣмъ общественнымъ дѣятелемъ. Мы, всѣ твои товарищи, были свидѣтелями твоихъ первыхъ семейныхъ радостей, видѣли также и движеніе твое на службѣ, зрѣли постоянно и неусыпные твои труды на педагогическомъ, а также и богословско-литературномъ поприщѣ. Однако, то ли дала тебѣ жизнь, чего ты ожидалъ отъ нея? Уже въ первые годы твоей службы ты потерялъ то, чего потомъ ничто въ мірѣ семъ не могло замѣнить тебѣ,— твою кроткую, ангельски добрую подругу жизни. А затѣмъ тебѣ, молодому вдовцу, пришлось тянуть еще много лѣтъ въ скорбномъ одиночествѣ съ малолѣтнимъ сыномъ; и сколько пришлось потомъ испытать тяжелыхъ лишеній, суровой материнской нужды и скорбей! Во истину не легка и многоскорбна была жизнь твоя. Благодареніе Господу, давшему тебѣ сердце кроткое, терпѣливое и полное упованія на милость Божію! Не помню, чтобы слышались когда либо отъ тебя жалобы или ропотъ на судьбу свою. Ты несъ крестъ свой бодро и благодушно, скорѣе съ радостію, нежели воздыхающе. Тебя одушевляла надежда быть полезнымъ для другихъ, и въ сей надеждѣ тебя поддерживала и высшая наша духовная власть, призвавшая тебя къ служенію въ самомъ трудномъ и отвѣтственномъ званіи, инспекторству въ нашемъ духовномъ разсадникѣ. Ты поэтому трудился до полнаго истощенія твоихъ силъ и разстройства твоего здоровья. Казалось-бы, еще много ты будешь служить и твердо стоять на своемъ посту. Но, вотъ, вдругъ наступили тревожныя недомоганія. Тяжкая болѣзнь быстро вошла въ свои права и сокрушила нѣжную храмину твоего существа. Кто могъ ожидать такой скорой развязки болѣзни, при такихъ еще далеко непреклонныхъ лѣтахъ и правильной воздержной жизни. Но, вотъ, уже, кажется, здѣсь все кончено. Воистину *дни человѣческія*, по словамъ пр. Давида, *какъ тѣнь проходятъ*.. или

еще иначе, *дни человѣка какъ трава какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтетъ. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его и мѣсто его уже не узнаетъ его* (Пс. 102, 15. 16). Пронеслась жизнь и твоя, дорогой товарищъ нашъ, какъ сонъ, какъ мечта...

Но что-же осталось отъ тѣхъ благородныхъ, высокихъ порывовъ, желаній, стремленій? Ужели и эти порывы, желанія, стремленія—такой же призракъ, какимъ представляется намъ и самая жизнь? Нѣтъ. Самое присутствіе этихъ высшихъ стремленій, такъ мало удовлетворяемыхъ и достигаемыхъ въ сей жизни, доказываетъ, что послѣдняя цѣль этой жизни стоитъ далеко за предѣлами нынѣшняго міра, полнаго всякихъ несовершенствъ, трудностей и испытаній въ строѣ нашей жизни, въ страстяхъ людскихъ и въ немощахъ собственной нашей плоти. И не такъ-ли думалъ и ты, почившій товарищъ нашъ, когда въ черные дни испытаній и горестей, любилъ повергать свою печаль, тревоги и воздыханія, въ молитвѣ общецерковной и частной, къ Богу, отнюду-же приходитъ помощь наша, помощь отъ Бога, сотворшаго небо и землю. И не была ли глубокая вѣра твоя въ лучшую будущую жизнь тѣмъ свѣтлымъ, чистымъ, небеснымъ лучемъ, который ярко озарялъ и успокаивалъ послѣдній страдальческій путь твой. Мы глубоко вѣруемъ и Слово Божіе насъ въ семъ увѣряетъ, что вмѣстѣ съ сей тлѣнной храминой тѣла твоего не прекратилась жизнь твоего духа, такъ прекраснаго, всегда, до послѣдняго издыханія, бодраго и сильнаго, даже и въ то время, когда изнемогала плоть твоя и истаевала внѣшняя сила твоя. Слишкомъ рано *порвалась*, по словамъ Премудраго, *золотая цѣпь и обрушилось колесо жизни твоей, и возвращается нынѣ прахъ въ землю, какъ онъ и былъ, а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его* (Еккл. 6, 6—8). Тяжко это зрѣлище смерти, сокрушенія внѣшняго человѣка, какъ глинянаго сосуда, какъ всякаго другого издѣлія рукъ чело-

вѣческихъ. *Но кто уразумѣ умъ Господенъ?* и кто постигнетъ суды и опредѣленія Божіи? Склоняемся передъ волею Божіею, всегда благою и совершенною. Думаемъ и надѣемся, что если ты немного видѣлъ покоя, немного нашелъ радостей въ семъ мірѣ, то Господь воздастъ тебѣ сторицею въ томъ, другомъ мірѣ, который нынѣ широко раскрылся душѣ твоей. Тамъ откроется тебѣ въ полной мѣрѣ то, что ты уразумѣвалъ здѣсь отчасти. Тамъ узришь ты и тѣхъ, потеря коихъ такъ омрачила жизнь твою. Оттуда, съ неба, ты не престанешь призирать на присныхъ своихъ, въ особенности на дорогого сына твоего, твою единственную оставшуюся здѣсь радость, надежду и утѣху, и молить, да сохранитъ Господь его, вдвойнѣ осиротѣвшаго, отъ всякой бѣды, скорби и нужды, и дастъ ему силы стать честнымъ общественнымъ дѣятелемъ, могущимъ быть достойнымъ носителемъ честнаго имени своего отца. Вѣримъ, что и разлука наша съ тобою по тѣлу—только временная. Настанетъ часъ, когда сбудется то, что сказано Ап. Павломъ: *сѣется* (тѣло) *въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи, сѣется не въ честь, возстаетъ во славѣ... И будетъ тогда Богъ всяческая и во всѣхъ*—послѣдняя вожделѣнная цѣль стремленій твоихъ и всѣхъ насъ. Нынѣ же, при временной сей разлукѣ, прошу и молю: прими отъ меня сердечное товарищеское—прости, на вѣки прости! Да упокоитъ тебя Господь въ царствіи Своемъ и сдѣлаетъ тебя причастникомъ вѣчной небесной славы и радостей, въ возмездіе службы, трудовъ и страданій твоихъ ради другихъ. О насъ же присно моли, да будемъ мы вѣрны, бодры и полезны въ томъ званіи и служеніи, въ которомъ Господь благоволилъ еще оставить здѣсь насъ. Аминь.

Павелъ Петрушевскій.

Библіографическая замѣтка.

В. Ѳ. Пѣвницкаго. Сборникъ статей по вопросамъ христіанской вѣры и жизни. Выпускъ II. Изданіе журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“. Спб. 1903 г стр. 447. Цѣна за два выпуска 2 руб. съ доставкой.

Имя заслуженнаго ординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи В. Ѳ. Пѣвницкаго слишкомъ хорошо извѣстно читателямъ нашего органа. Чтенія этого знаменитаго и, по всей справедливости, признаваемаго первымъ у насъ въ Россіи оратора, съ которыми онъ такъ часто выступалъ въ послѣднее время предъ образованнымъ обществомъ г. Кіева, печатались на страницахъ нашего органа. Нѣкоторыя изъ этихъ чтеній вошли и въ тотъ сборникъ „*статей по вопросамъ христіанской вѣры и жизни*“, о которомъ у насъ идетъ сейчасъ рѣчь и на который мы обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей, чего онъ вполнѣ заслуживаетъ, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго обозрѣнія его содержанія.

Въ сборникѣ содержится 25 чтеній—статей. Всѣ онѣ касаются самыхъ животрепещущихъ и насущныхъ вопросовъ, которыми отъ времени до времени съ особеннымъ вниманіемъ занималось наше образованное общество и которые въ настоящее время занимаютъ всѣхъ.

Такъ, напр., первыя четыре статьи сборника („*Тяжелый годъ*“, „*Безумная и тщетная борьба противъ Помазанника Божія*“, „*Откуда предержащія власти въ государствѣ*“ и „*Гдѣ источникъ такъ частыхъ въ наше время насильственныхъ дѣйствій, направленныхъ къ ниспроверженію власти и законнаго общественнаго порядка*“), вызванныя прискорбными преступными событіями, имѣвшими мѣсто во второй половинѣ XIX в. и закончившимися страшнымъ фактомъ цареубійства 1 марта 1881 г., посвящены разсмотрѣнію вопросовъ о власти вообще и, въ частности, о причинахъ преступныхъ стремленій въ обществѣ, направленныхъ къ ниспроверженію закон-

наго порядка. „Власть“, говоритъ ораторъ,—„божественное учрежденіе. Не человѣкъ ее ввелъ, для поддержанія порядка между людьми и для удержанія страстей человѣческихъ въ должныхъ границахъ. Она дана человѣческому обществу свыше тою Десницею, которая воззвала насъ изъ небытія къ бытію, и дана вмѣстѣ съ тѣми силами, какими Она наградила насъ. Вездѣ въ мірѣ Божіемъ, вмѣстѣ съ твореніемъ живыхъ существъ, устроенъ чинъ и порядокъ. А гдѣ чинъ или порядокъ, тамъ есть и власть и подчиненіе, повелѣніе и исполненіе...“ (стр. 23). „Изъ всѣхъ заблужденій человѣческихъ для жизни общественной мы считаемъ самымъ опаснымъ то, которое снимаетъ священный покровъ съ божественнаго учрежденія верховной власти, и силится представить ее игрушкою, которую съ улицы будто можетъ поднять честолюбіе, или властолюбіе“ (стр. 35). Это заблужденіе конкретно выражается въ крамолѣ, которую ораторъ такъ характеризуэтъ: „то, чѣмъ болѣе всего поражаетъ крамола человѣка чести,—это полное попраніе ею всѣхъ нравственныхъ и человѣческихъ законовъ. Для нея нѣтъ ничего святого, и нѣтъ злодѣянія, предъ которымъ бы она отступила. Не тревожась нимало совѣстію, служители ея подготовляютъ и совершаютъ самые адскіе замыслы, и ни невинность, ни доблесть не остановятъ ихъ преступной руки. Погибель десятковъ-сотенъ дорогихъ человѣческихъ жизней для нихъ ровно ничего не значитъ, и они тѣмъ болѣе радуются, чѣмъ больше успѣваютъ въ дѣлахъ позора и гибели. Это не люди, а точно хищные звѣри, подстерегающіе свою добычу, и радующіеся, когда она попадетъ въ ихъ сѣти“ (стр. 11).

Причину, почему такое направленіе жизни зарождается и утверждается среди насъ, ораторъ видитъ отчасти въ насъ самихъ, особенно въ усиленномъ нашемъ критицизмѣ. „Если мы серьезно вникнемъ въ это дѣло, такъ смущающее насъ“, —говоритъ онъ,—„мы не можемъ не сознаться, что часть вины за него падаетъ на многихъ изъ насъ самихъ. Въ насъ,

въ нашемъ сердцѣ нѣтъ того уваженія къ власти, олицетворяющей законъ и порядокъ, какое ожидается и требуется отъ христіанина, и какое служитъ залогомъ поддержанія общественнаго порядка... У насъ въ обществѣ развитъ необыкновенный критицизмъ по отношенію къ властямъ" (стр. 39).

Слѣдующія двѣ статьи (*„Слуги и господа"* и *„Ревнителямъ всеобщаго равенства"*) находятся въ тѣсной связи съ предыдущими, разъясняя съ христіанской точки зрѣнія правильныя отношенія между господами и слугами и показывая всю несбыточность такъ распространяемыхъ въ нашемъ обществѣ и теперь мечтаній объ установленіи „такого равенства между людьми въ человѣческихъ обществахъ, чтобы никто изъ нихъ не выдавался изъ ряда прочихъ по общественному положенію, чтобы никто не возвышался надъ своими собратьями ни по правамъ власти, ни по значенію, ни по богатству, но чтобы жребіи всѣхъ были приведены къ одному уровню,—мечтаній о переустройствѣ общества въ смыслѣ уравненія всѣхъ" (стр. 79).

Статья подъ заглавіемъ: *„Рабочій трудъ въ язычествѣ и христіанствѣ"* касается одного изъ самыхъ больныхъ, можно сказать, въ наше время вопросовъ—т. н. рабочаго.

Есть въ сборникѣ статьи, посвященныя вопросамъ о *„правахъ женщины на полное уравненіе съ мужчиною"* и *„кругѣ занятій предназначенныхъ женщинѣ"*. Два чтенія въ сборникѣ посвящены разъясненію вѣчно больного вопроса, неотступно занимающаго человѣческій умъ, о смыслѣ скорбей жизни и причинахъ ихъ происхожденія (*„Скорби и тягости жизни"*, *„Откуда скорби наши?"*)

Три чтенія имѣютъ своимъ предметомъ защиту православной церкви отъ упрековъ и нападокъ, чаще всего повторяемыхъ въ нашемъ обществѣ (*„Находящимъ соблазнительныя возбуждающія недоумѣнія мѣста въ священномъ писаніи"*, *„Въ защиту неизмѣнной истины, хранимой въ церкви*

христіанской“, „*Необходимость для церкви установленнаго и освященнаго чина богослуженія*“).

Одно чтеніе посвящено спеціально характеристикѣ отношеній къ церкви нашего образованнаго общества, а другое— разъясненію библейскаго взгляда на историческій прогрессъ.

Въ сборникѣ помѣщены также совсѣмъ краткія статьи, разъясняющія различныя истины, или рѣшающія различные вопросы изъ области христіанской вѣры и жизни. Эти послѣднія статьи (напр., „*Врачи земные и небесные*“, „*Случайныя бесѣды о силѣ общественной молитвы*“, „*Признаки времени*“, „*Какой дорогой мнѣ идти?*“ „*Вѣсть изъ-за гроба*“, „*Царское приглашеніе*“ и др.) могутъ, по нашему мнѣнію, употребляться во время внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ.

Всѣ статьи содержатъ въ себѣ разъясненіе затрогиваемыхъ вопросовъ на основаніи Слова Божія, церковнаго ученія и церковныхъ свидѣтельствъ, доводовъ разума и собственныхъ наблюденій автора надъ общественною жизнію.

Всѣ статьи сборника изложены превосходнымъ, легкимъ и общедоступнымъ языкомъ.

На основаніи сказаннаго, мы съ полною увѣренностію рекомендуемъ пастырямъ церкви настоящій сборникъ для пріобрѣтенія. Чтеніе сборника, надѣемся, доставитъ истинное наслажденіе и поученіе, прежде всего, самому пастырю церкви, а затѣмъ сборникъ можетъ быть съ пользою употребляемъ пастырями при приготовленіи къ проповѣди и во время веденія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій.

Редакторъ неоф. части священникъ *Ѳ. Титовъ*.
Помощникъ редактора священникъ *І. Троицкій*.

Содержаніе: Къ вопросу о достойномъ христіанскомъ празднованіи воскреснаго дня.—Епархіальная хроника.—Библіографическая замѣтка.

Отъ Кіевск дух. цензурн Комитета печат. дозвол. 13-го іюня 1903 г.
Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи прот. *І. Корольковъ*.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
Акціон. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица